

Шпана на вес золота

Автор:

[Валерий Шарапов](#)

Шпана на вес золота

Валерий Георгиевич Шарапов

Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман

Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» – один шаг.

Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая».

Послевоенная Москва понемногу оживает. Возвращаются из эвакуации заводы, открываются магазины, шумят многолюдные рынки. На одном из них беспризорники Пельмень и Анчутка попытались расплатиться диковинной монетой, найденной на заброшенном кладбище. Разразившийся было скандал уладил случайный прохожий. Он попросил ребят помочь ему проникнуть в заброшенный склеп и откопать там старинный клад. Обрадовавшиеся беспризорники и не догадывались, на что толкает их этот подозрительный человек и чем обернется для них такая опасная затея...

Валерий Георгиевич Шарапов

Шпана на вес золота

© Шарапов В., 2022

* * *

Очередь на досмотр на рейс Москва – Берлин была небольшой, поэтому оставалось время поработать неторопливо, со вкусом. И вкус этот был резиновый.

Чернильная подушечка совершенно изнасилась, потому приходилось облизывать печать, возить по ней химическим карандашом и потом уже пропечатывать. Во рту – противно, но служба есть служба.

Таможенник исследовал документы очередного пассажира, остался доволен. Спросил с участием и некоторым одобрением:

– На родину решили вернуться?

– Да, – чисто, почти без акцента, ответил тот.

Это был худосочный, до скрипа чистый тип в безжалостно отглаженном и откровенно ветхом костюме, безукоризненно выбритый, даже попахивающий чем-то вроде хлорки. Из пожитков при нем был лишь дешевый фанерный чемоданчик.

– И вот так вот належке? – для очистки совести спросил таможенник.

– Да, – снова ответил немец.

«Ты глянь, идейный. Другие хоть в Сухуми, хоть в Магадан, лишь бы не в Германию, а этот... и скарбу-то у него – с гулькин нос. Спартанец, да и только».

Он еще раз просмотрел документы: Риль Николаус Мария, инженер, 1901 года рождения, место рождения – Берлин, место прописки на территории СССР – Московская область, Электросталь. Потом все-таки попросил открыть для досмотра ручную кладь. Простая формальность.

Немец без тени раздражения отщелкнул замки:

- Пожалуйста.

Таможенник быстро, по возможности бережно провел досмотр вещей, которых оказалось крайне мало. Набор стандартный: немного белья, теплый свитер, зачем-то ушанка...

- Уши отморожены, - пояснил немец, уловив немой вопрос таможенника.

- Понятно.

«Так, паек, буханка черного хлеба, три бутылки воды - хватит на весь полет. Ничего, опытный товарищ».

- Играете? - таможенник с уважением указал на турнирную шахматную доску - красивую, явно ручной работы.

- Да, - не оригинальничая, снова подтвердил тот.

- Любопытная штука, - подал голос второй сотрудник, улыбчивый, со сверкающими стальными зубами, все это время стоявший молча, - можно взглянуть?

- Пожалуйста, - повторил немец.

Таможенник осмотрел доску, бережно открыл ее, полюбовался шахматами - они-то как раз выглядели на удивление ординарными на фоне такого вместилища, - извлек увеличительное стекло, исследовал поверхность доски уже с его помощью.

- Простите, что-то не так? - вежливо поинтересовался немец, впервые проявляя нетерпение. - Боюсь опоздать на рейс.

- Поэтому-то и рекомендуется прибывать на аэродром заранее, чтобы пройти все формальности, - охотно напомнили ему, - документы на этот кунстверк

имеются?

Немец пожал костлявыми, как вешалка, плечами:

- Нет. Это же просто шахматная доска.

- Если бы это была просто шахматная доска, дорогой товарищ, вы бы тут не стояли. Не откажетесь пройти в комнату для детального досмотра?

Бывший начальник одной из лабораторий предприятия «Ауэргезельшафт», «эвакуированный» ранним октябрьским утром 1946 года по маршруту «армейские грузовики – поезд – СССР» герр Николаус Риль не возражал. Он был бы не прочь прямо сейчас вернуться в ставшую родной Электросталь и совершенно позабыть о родине лет эдак на сто.

- Что скажете, Андрей Николаевич?

Профессор Князев, искусствовед, признанный эксперт в древнерусском наследии и русской живописи, снял очки, потер переносицу:

- Что скажу... Для того чтобы утверждать что-то с уверенностью и окончательно, я бы удалил нанесенные слои.

- Боюсь, это невозможно. Тем самым уничтожим следы возможного преступления.

- А, вы про это. Ну да. На Соловках я видел подобные досочки турнирного формата. Еще в двадцатых годах. Вырабатывались на экспорт. Правда, там материалом служила, скажем прямо, мелочовка, извините, подножная, да и уровень обработки – стиль «абы как». А тут, дорогой товарищ, сработано чисто, а в основе, рискну предположить, или кто-то из учеников Симона Ушакова, или он сам.

- Вот это номер! – Таможенник поглядел на шахматную доску, бережно разложенную на чистом полотне, покачал головой: – Форменное варварство. Распилить такую древность, да еще и краской вымазать...

– Зря вы обижаете неизвестных... или уже известных?

– Нет, пока нет. Немец утверждает, что купил набор с рук в Столешниковом переулке. Как бы на память.

Профессор покусал дужку очков:

– В любом случае не наговаривайте на неизвестных умельцев. Все сделано в лучшем виде, исключительно деликатно. Грамотный, понимающий реставратор вполне может вернуть этой реликвии первоначальный вид. Будет не хуже, а то и лучше прежней. Ловко, ловко придумано. На экспертизу мне отправите?

– Как всегда.

1

Пробил очередной час икс. И снова Колька, вызывающе задрав нос, насвистывая нарочито веселый мотивчик, шагал в отделение отмечаться. Ритуал, подлежащий соблюдению, был уже знаком и хорошо обкатан: прийти, снять фуражку, поздороваться. Поморгать честными глазами, выслушать наставление типа: «Верной дорогой идете, товарищ» – в исполнении Остапчука или Палыча. Поставить птичку, где укажут. Отправиться в ремесленное. Все бодро, задорно, чуть ли не по-суворовски.

Беда в том, что не было сегодня ни бодрости, ни задора, ни тем более суворовской уверенности в том, что все будет как следует. Не радовали ни летнее солнце, уже к девяти утра раскочегарившее окрестности чуть не до плюс тридцати, ни птичий гомон, ни набитое с утра брюхо (и ведь отменный омлет маманя состряпала). И дали, которые обычно перед выходными были расписаны исключительно синим и розовым, теперь брюзгливо серели.

С очередной смены отец пришел подшофе.

Нет, не так.

Подшофе он приходил вот уже второй месяц как, а вчера приполз на бровях. Причем если обычно он, понимая свою вину, держался тихо и виновато, то теперь завалился быдлан быдланом, заставил мать среди ночи варить ему яйца, непременно всмятку, и долго орал, что переварила. Проснулась Наташка, досталось и ей: затолкал на табуретку, чужим голосом – склочным и визгливым – настаивал на чтении стихов революционного содержания. Колька этого не видел, но слышал рассказ Филипповны на лавке. И, что самое плохое, на этот раз тетка Анька не заливала.

Когда же, спустя час, Колька вышел на свет, соседки встретили его претензиями: мол, всем в уборную надо, извлекай родителя. Мама тихо, бесслезно плакала в уголочке, Наташка рассерженно закопалась обратно в кровать, а отец, как выяснилось, мирно почивал на полу общей уборной, порядочно загадив все вокруг.

Это было не то что унизительно, но очень обидно. И, конечно, грязно. Колька, не без труда приведя отца в вертикальное положение, потащил его во двор, поближе к колонке, справедливо полагая, что при рецидиве хотя бы замыть будет проще. Мать торопливо убиралась, со слезами просила прощения, хотя ее никто ни в чем не обвинял. Напротив, соседки быстро сменили гнев на милость и принялись помогать.

На свежем воздухе да под ледяной водой отец быстро пришел в себя, это стало ясно по изменившемуся взгляду – он стал как у побитой собаки.

– Я сейчас, – бормотал он, хватаясь руками, – чего это я, в самом деле... сейчас. Я туда.

– Сядь покамест, – посоветовал Колька самым обычным голосом, хотя на душе было погано так, что словами не описать. – Пап, сейчас не надо никуда. Отдохни. Я с тобой посижу.

Отец, опершись локтями о колени, уронил голову и то ли забылся, то ли заснул. Колька, в очередной раз плюнув на воспитание твердого характера, закурил. Когда ядреный аромат дошел до забитых отцовских ноздрей, он поднял голову и попытался изобразить суровый родительский взор. Сын сначала не понял упрека, потом лишь отмахнулся:

– А! Ты вон пьешь...

Игорь Пантелеевич кивнул, сокрушенно, с истинным раскаянием, и снова уронил голову. Чего тут проповеди читать, кто он такой – не отец, не пример – позор несмыаемый. Но ведь так надо было объясниться, оправдаться, снять с себя хотя бы немного этого чугунного стыда.

– ...и тут тварь эта, полицай, губехами своими шамкает: «Шта, боевой летчик, обделался по полной, теперь обтекай. Меня народ простил, я не по своей воле, по малодушию под немца пошел, а ты, почитай, все равно что перешел на их сторону, и потому гнать тебя со сторожев надо по причине того, что ты все равно что предатель»...

– Кто это говорит? Этот ваш... прощенный? – Колька даже имени этого произносить не хотел.

При промтоварах работал грузчиком (не сказать – подъедался) тип, который до войны еще уехал на сытые украинские хлеба, «трудился», как было точно установлено, полицаем. Однако какими-то путями – блат не блат, фарт не фарт – умудрился доказать, что, служа врагу, на самом деле поставлял ценные сведения местному партизанскому отряду («а то, что отряд разгромили вскорости, – это, извините, ошибка командования и перегибы»).

Вообще вел он себя тише воды, оно и понятно. Но стоило принять на грудь, и из него перло таким духом, что нормального человека воротило. Квартировал этот свищ у одной известной алкоголицы, сожительница лупила его смертным боем, поэтому он храбрился вне дома. Теперь вот решил докопаться до Пантелеича, который пусть и из образованных, а вот, получается, куда хуже его, прощенного народом полицая, который и в плену «ну, фактически» сумел соблюсти непорочный облик...

Колька, выслушав сбивчивую исповедь отца, скрипнул зубами:

– Где этот баран непорочный? Сейчас он у меня того... соблюдет по сусалам.

Но отец, уже подрастерявший хмель, замахал руками:

– Сынок, что ты, что ты! Сиди тише воды ниже травы. Пусть его... сам сдохнет. Нельзя.

...Вот так вот все и было. Отец с утра остался отсыпаться до следующей смены, а Колька, пиная сплюсненную консервную банку, пошел отмечаться.

«Нельзя. Нельзя. Нельзя ничего исправить. Как бы ты ни старался, единожды оступившись, все равно по жизни виноват. Точь-в-точь как вот эта банка – она и на посуду-то не похожа, сплюсненная, изуродованная, и ничего-то нового в нее не нальешь, и вряд ли она когда снова станет банкой».

– Что это ты, тезка, больно суровый, – отметил Сорокин, который сегодня нес службу единолично, расшугав подчиненных по заданиям, – не выпался?

– Нормально все, – отрезал Колька.

Однако от Сорокина, если уж он что заприметил, отвязаться было трудно. Вечно этому одноглазому больше всех надо.

– Товарищ поднадзорный, мне нужно промеж тебя вести воспитательно-просветительную, а заодно и профилактическую работу. Что стряслось, Коля, выкладывай. На учебе что? Мастер тебя хвалит, по месту прописки характеризуюешься положительно. Таким макаром скоро можно будет подавать на условно-досрочное, а там и на снятие.

– Все нормально, говорю, – упрямылся парень, но в разобитую голову вдруг проникла светлая мыслишка: «Не чужой ведь человек, не паскудник какой, чего бояться?»

И он решился:

– Николай Николаич, а что мне это условно-досрочное, снятие? Все равно уж. Так и так получается – пятно на мне на всю жизнь.

Сорокин удивился:

– Это что за разговоры такие? У тебя что, свой собственный закон уголовный или ты в какой иной стране живешь, не в советской? Сказано...

– ...а что сказано? – заедался Колька. – Сказать что угодно можно и написать тоже, а на деле – все одно – никто не забудет, что квартирки обносил, и десять лет спустя помянут. И не возьмут ни на работу достойную, ни на учебу. Мне только фамилию меняй да вербуйся в Сибирь или в Казахстан какой.

– Стало быть, нет справедливости в Стране Советов? – уточнил Сорокин, хмурясь и кривя губы, чтобы не улыбнуться.

Колька хотя и не смотрел на капитана, ощущал: смеется гад. Ребячество, думает, не понимает мелкий. Надо было бы гордо встать, откланяться и хлопнуть дверью, но снова какой-то светлый червяк точил: скажи, скажи, открой душу, не выпендривайся.

– Батка мой, с образованием, в плену не по своей воле оказался – и то его гнобят все кому не лень. Сторожем трудится, спивается на глазах. Даже этот, полицай недорезанный, зубы на него скалит. Тут честного человека, фронтовика со свету сживают, а уж меня и подавно... А, да чего там. Где тут у вас отметиться? – Расписался, махнул рукой: – Пойду, – и направился к выходу.

Сорокин хлопнул по столу:

– А ну, стой! Я тебя не отпускал.

Встал, прикрыл дверь, указал на стул:

– Сядь. Рассказывай.

– Что?

– Что знаешь.

– А что я знаю? – огрызнулся парень. – Небось вы поболее моего знаете, какие разговоры с батей вели.

– Нет, не знаю, это другая служба, – отрезал Сорокин. – Значит, так поступим: отцу скажешь, как проспится... тихо, я говорю. – Колька захлопнул открытый было рот. – Так вот, как в себя придет, пусть заглянет ко мне. Ко мне только, понятно? Именно ко мне, не к Палычу, не к Санычу. Погоди, сейчас повестку выпишу, персонально.

И, быстро заполнив бланк и поставив удивительную свою закорючку – множество росчерков, петель и кружев, – вручил Кольке.

– Прямо сейчас иди и отдай, понял?

– На занятия опоздаю.

– Хорошо, сейчас и тебе бумажку накатаю, – черкнув пару строк и сложив листок, передал и вторую «индальгенцию». Потом вздохнул: – Что же делать, все у нас на бумажках, идем на поводу у бюрократии. – Но, спохватившись, строго заявил: – Потому что должны быть порядок и социалистическая законность. Потому как пока нельзя иначе. Усек?

– Так точно, – заверил Колька.

– Да, и вот еще что. Не вздумай перед отцом нос задирать. Пьет не пьет, а он – отец, его следует уважать.

– Чего ж тогда мне бумажку отдаете? Позвали бы его со всем вашим уважением.

– Мое уважение – это мое дело, кому хочу – тому оказываю, – отбрил Сорокин, – а тебе отдал не потому, что твоя персона чем-то лучше или понимает больше. Исключительно жалеючи батю твоего. Ты его сын, он – твой отец и тебя любит. А раз любит – то скорее послушает. Понял? Свободен. – И отпустил Кольку начальственным кивком.

Свежей летней ночью Оле снился удивительный сон – цветной и яркий, сказочный, пусть и без малейшего сюжета: красочные мазки самых разнообразных оттенков складывались и, рассыпаясь, преображались в нечто совершенно новое. То одна картинка перед глазами возникает, то вдруг что-то из нее пропадает и вроде бы рушится все, а нет – выстраивается совершенно иное. Как в мозаичной подзорной трубе.

А главное – оттенки. Все оттенки зеленого, голубого, золотого, пурпурного – и было их необыкновенно много, и были они такие разнообразные. Вдруг пришло ясное понимание: на самом-то деле это не цвет, а лишь отражение света, властно преодолевающего все преграды да еще и придающего преградам новый смысл и облик.

От всего созерцаемого во сне великолепия вполне ощутимо заболели закрытые глаза и голова, и пришла мысль, что все это надо прекратить, и немедленно.

Только стоило подумать так – как прохладная мамина рука легла на голову, упоительно запахло свежим какао – да сегодня еще и на молоке! – и нежный голос, точь-в-точь как в далеком детстве, проговорил:

– С добрым утром, доченька. Просыпайся.

Довольно улыбаясь, потягиваясь, Оля порадовалась: «Неужели все наконец-то наладилось. Хорошо-то как!»

В самом деле, то ли Вера Вячеславовна приобрела наконец необходимую сметку и управленческие навыки, то ли просто, по-детски, как-то само все «наладилось». А скорее всего, мама наконец-то осознала, что работа – это очень важно, но она – далеко не все. В любом случае прошли те времена, когда их с дочкой общение сводилось к сухому: «На работе чепэ, я ушла».

Как-то сами собой в Олин распорядок дня вошли утренние и вечерние посиделки с мамой за чашкой ароматного чая или какао (иной раз и ненастоящего, но пусть, душевность компании полностью восполняла этот недостаток). Возможно, повлияли и беседы лейтенанта Акимова, который теперь нередко укреплял связи с населением и проводил профилактические мероприятия, сосредотачивая свои усилия именно по их адресу.

Мама только отшучивалась и отмахивалась: «Ой, ну перестань», но чуткая Оля не могла не заметить, как при визитах Палыча мамин взгляд смягчается, как становятся более плавными ее движения, а строгий костюм вдруг неожиданно дополняется ярким платочком.

И, конечно, цветов в доме становится вдвое больше. Какой-то особый смысл был в этих, возможно, никчемных, но трогательных преподношениях, которые и «ремесленник» Коля, и оперуполномоченный лейтенант Акимов собирали на каких-то заповедных полянах, старательно пытаясь разносить по времени свои визиты на природу.

– Какой странный сон мне снился, – поделилась Оля, – все такое узорчатое, цветастое, золотое с зеленым.

– Это, наверное, ты вчера моих образцов насмотрелась, – заметила мама.

На столе еще со вчерашнего вечера были разложены образцы узоров для ткани, которые Вера Вячеславовна анализировала, стараясь понять, следует ли их представлять на комиссию и если да, то как подать (и отстоять). Спору нет, они были просто великолепны, особенно на фоне суховатых типовых решений, и при всем при этом для создания их не требовалось ни резко увеличивать потребление краски, ни изменять технологические процессы. Да и с точки зрения моделирования и пошива весьма удачное решение. Вера Вячеславовна готова была поручиться за то, что предлагаемые расцветки и узоры универсальны и модели, сделанные из них, будут востребованы как в промышленных масштабах, так в домохозяйствах.

Смущали непривычная цветовая гамма и отсутствие четких узоров, над чем она до поздней ночи и ломала голову: «Могут возникнуть претензии, а то и обвинения, как это там? Отсутствие центральной мысли, формы. А ведь так красиво!»

– Знаешь, мам, а ты права, – кивнула Оля, всматриваясь в образцы, – именно такие узоры я во сне и видела.

– Вот и я думаю, насколько хороши такого рода вещи, если они потом по ночам снятся, – отшутилась Вера Вячеславовна, – ну ладно, а теперь, пожалуй...

Она не договорила и смолкла, прислушиваясь: с улицы доносилось шарканье стоптанных опорок и заунывные, монотонные звуки – то ли пение, то ли завывание.

Мама вмиг посуровела, бросила взгляд на часы:

– Вот наконец и она. Я уже волноваться начала, что-то припозднилась сегодня.

– Наталья? – спросила Оля.

Вера Вячеславовна кивнула.

Вдоль по улице, едва передвигая ноги, брела худенькая женщина, которую тащила за руку девочка лет четырех-пяти, суровая, сонная, но одетая как на парад, куколкой: светлое платье, бантики, туфельки. В отличие от мамы. Женщина смотрелась настоящей оборванкой: какой-то балахон до пят, платки – один на поясице, другой на голове, огромные уродливые очки с обломанной дужкой, чудом держащиеся на носу и за одним ухом. Волосы – густые, белокурые, но несвежие – уложены в нелепую причудливую прическу.

И главное: потухший, ни на чем не фокусирующийся, блуждающий взгляд и повторяемые тоненько слова: «Ванечка мой, Ванечка, на кого ты нас оставил», «горемычные» и прочее в том же духе.

Это была местная достопримечательность: Наталья Введенская, жена слесаря-наладчика с текстильной фабрики, Ивана Палкина, и его самостоятельная серьезная дочка Соня. Несколько лет назад Ваня Палкин, отменный универсальный мастер (по этой причине и на фронт не пустили, заменить нечем было), передовик, положительный семьянин, вдруг загулял. Уехал невесть куда глубокой ночью, когда домашние спали, да еще и прихватил с собой гроши и то небольшое ценное, что имелось в хибаре, притом что добра в ней и так было немного. И ведь ничего, как говорится, не предвещало. Расчета он так и не получил, трудовая книжка лежала в кадрах.

Соседи удивлялись: муж с женой жили дружно, много горя хлебнули вместе. В сорок первом Наталья выкинула, в сорок втором умер сын трех месяцев от роду. На Соню, родившуюся в сорок третьем, они оба надышаться не могли.

Все знали, что Иван очень любит свое семейство, заботится о дочке и жене, и это несмотря на то, что Наталья уже довольно долго пребывала, как деликатно говорили, «не в себе».

Она была очень красивая, настоящая сказочная царевна – то ли Несмеяна, то ли недавно ожившая, а ранее мертвая, – тростиночка с огромными синими глазами, белокурой косой, длинной лебединой шеей и тонкими, изящными руками. Кумушки называли ее снулой рыбой и бледной немочью, но это из зависти: мужик – продукт дефицитный, а Иван был видный богатырь, а уж руки – просто золотые.

Мужская половина населения, понятно, брошенной сочувствовала, но втайне понимала: не сдюжил Ваня. Никчemuшная эта Наталья, тощая, чахлая, к тому же странненькая, зря он ее взял. Гулял слух (уже после Ваниного исчезновения), что чокнулась она неспроста, что Иван по пьяной лавочке избил ее из ревности. Он вообще не дурак был заложить за ворот, а заложивши, нередко распускал руки. Что, мол, Наталья это скрывала то ли из любви к мужу, то ли просто потому, что была неболтлива, не любила «задушевных» бесед на улице – держалась пугливо, особняком.

После пропажи мужа Наталья окончательно «съехала». Сколько уже времени прошло, как пропал Палкин, столько всего стряслось, а она, бедная, все не отставала от почтальона, караулила у калитки, со слезами выпрашивала письма от мужа. Донимала и милиционеров, да так, что даже Остапчук, мужик терпеливый и сердобольный, научился за это время по-собачьи за версту чують ее приближение – и немедленно отбывать на какое-нибудь неотложное мероприятие. Менее проворный и опытный Акимов обычно не успевал эвакуироваться, по этой причине вынужден был принимать гражданку Введенскую и в сотый раз нудно и терпеливо повторять, что – да, ведутся розыски гражданина Палкина И. И., оставившего без средств к существованию свою нетрудоспособную супругу Введенскую Н. Л. и малолетнюю дочь Палкину С. И. И что оперативные мероприятия по-прежнему пока не дают результата.

Горемычная Наталья совсем было опустила, уже не стесняясь ни молвы, ни взглядов. Прилюдно убивалась, плакала, бродила по округе, жалуясь на судьбу непонятно кому. Соседи пытались ей помочь: собирали по крохам еду, что-то из тряпок-одежи, причем Наталья, когда на нее находило просветление, держалась очень скромно, благодарила, предлагала «отработать», но получала на этот счет гневные отповеди.

Вера Вячеславовна, у которой тоже болела душа за бедную маму, сумела утрясти вопрос с ее трудоустройством на неполный день как надомницу (Наталья категорически отказывалась отдавать Сонечку в «чужие руки», то есть на пятидневку). От этого выиграли обе. Наталья, как выяснилось, очень одаренная художница. Именно ее работы – узоры для текстиля – сейчас лежали на столе Веры Вячеславовны. У нее было редкое понимание специфики именно этого вида художества, умела она из разрозненных фрагментов сложить целое и красивое. Возможно, потому что и сама замечательно шила: дочка Соня была всегда одета с иголки, причем соседки с удивлением и одобрением узнавали в ее платицах пожертвованные простыни, в щегольских кофточках-пальтишках – лоскутки одеял и прочего хлама, пожертвованного по принципу «на тебе, боже, что мне негоже».

Годы прошли, война кончилась, постепенно люди поднимали головы. Наталья подуспокоилась, жизнь семейства налаживалась. Она стала походить на нормальную, даже разбила под окнами огород, который, правда, по ее совершенной безрукости к такого рода хлопотам вечно зарастал снытью и лопухом. Да и работа на текстильной фабрике давала неплохой доход: художницу ценили, пусть далеко не всегда и одобрялись ее идеи. К тому же Наталья начала писать репродукции с известных картин, и многие – и организации, и простые граждане – заказывали их, расплачиваясь если не деньгами, так натуральным продуктом.

После долгих уговоров она все-таки согласилась пристроить Сонечку в детсад от фабрики. Воспитатели не могли не отметить, что девочка, несмотря на молчаливость и замкнутость, чрезвычайно развитая и воспитанная. Было видно, что с ней занимаются и дома.

В общем, не бедовали, хотя на Наталью все равно временами «находило». И тогда она, отведя дочку в садик, наносила очередной визит в отделение милиции и только потом отправлялась на фабрику получать задание.

– Девочка бедная, – с состраданием заметила Вера Вячеславовна, – гляжу на нее и вспоминаю себя. Ужасно трудно одной, без помощи, без поддержки, – она обняла и поцеловала Олю, – ну ладно, доченька, теперь мне пора. Кстати, тут подшефные предлагают билеты в Музей Москвы, особая юбилейная экспозиция. Моим-то недосуг, а вы с Колей не хотите съездить? Может, кто из ребят захочет?

– Мы с Колей едем, – заверила Оля, – а вот ребят я спрошу.

Мама, поправив платок и с удовольствием глянув на себя в зеркало, упорхнула чудо-птицей. Оля проводила ее, помахав в окно.

Как все-таки хорошо, что в числе твоих хороших знакомых есть хитроумный Сергей Павлович, который способен выслушать – внимательно, не перебивая, с сочувствием – и вставить пару умиротворяющих мудрых слов.

В том, что мама кардинально изменила свое отношение к Коле, – немалая его заслуга. Стараниями Акимова Вера Вячеславовна не просто сменила гнев на милость, но и разглядела самостоятельность, ответственность, зрелость и прочие ценные качества Николая, как бы совершенно позабыв о его бурном прошлом. Теперь на замечания любительниц улаживать чужие дела Гладкова-старшая твердо замечала:

– Оступиться может каждый, главное – вовремя осознать свои заблуждения и встать на верный путь.

3

Колька, узнав о культурной программе на ближайшей выходной, с готовностью занял:

– Оля, ну что мы там не видели? Тоже придумаешь – музеи! Старье одно под стеклом. Пойдем лучше в ту же «Родину» сгоняем, говорят, там отличную картину привезли, легенда о чем-то там.

– В музеях сейчас столько народу, что туда невозможно попасть, а тут – приглашение. Что до кино, то сгоняем и в «Родину», – безмятежно пообещала Оля, перекидывая косу за плечо, – чего ж не сгонять, если благосостояние позволяет.

Колька прикусил язык, но спорить не стал. Позволяло оно, это самое... благосостояние. Ведь теперь он как учащийся ремесленного училища состоял на

полном обеспечении плюс стипендия. Однако все-таки надо было что-то и в семью отдавать, батя-то по-прежнему в сторожах, а мама все в медичках, да и Наташка нет-нет да на мороженое выпросит. И самому порой хотелось.

Оля, сжалившись, сообщила, что посещение музея бесплатное.

- Еще можно кого-нибудь из наших пригласить.

- Анчутку с Пельменем, - сострил Колька.

- А что? Если их отмыть и приодеть, очень даже приличные молодые люди, не хуже тебя, - поддразнила Ольга, - правда, сперва их поймать надо, а между прочим, где они теперь водятся?

Он пожал плечами:

- А кто ж их знает. Не волнуйся, проголодаются - придут.

- Была бы охота волноваться. Я скорее Саньку со Светкой позову, пускай проветрятся с пользой для мозгов, или что у них там под панамками.

В назначенное время они всей компанией погрузились в электричку и поехали культурно просвещаться. Первым делом перепутали станции метро, что, впрочем, никого не огорчило, есть законный повод прогуляться.

А было на что поглазеть! Многие дома были в лесах, их красили, ремонтировали, обновляли. Город, приведенный в порядок к юбилею - своему и Великой революции, - хорошел и не собирался на этом останавливаться. Людей на улицах было множество: опрятные женщины, мужчины не только в военной форме, но уже и в штатском. Постепенно народ обзаводился скарбом, что раньше считалось невозможным да и ненужным.

Прогулялись до Красной площади, подивились на «ЗиСы» и «Победы» у здания Госплана, причем Санька и Светка принялись было переписывать автомобильные номера, которые решили «коллекционировать». Пришлось дать им по рукам и ретироваться, поскольку уж чересчур внимательно посматривал в их сторону бдительный постовой. Он как раз перед этим пропесочивал двух

каких-то не по-нашему выглядевших и слишком улыбчивых, которые засняли колонну ребятишек на экскурсии. И несмотря на то, что эти двое предъявили ему некую бумажку, милиционер – видимо, единомышленник капитана Сорокина – не собирался идти на поводу у бюрократии и, пригласив фотографов к телефону-автомату, куда-то позвонил. Лишь после того, как прибыла машина, как вылезли из нее двое в штатском и внимательно изучили документы, потом бумажку, как снова куда-то позвонили и лишь после этого уехали, – только после всех этих действий постовой, улыбаясь, отдал честь и отпустил горе-фотографов с миром.

Ребята прошли вдоль сияющих, отмытых от бумажных полос и светомаскировки витрин ЦУМа, заставленных разнообразными и удивительными товарами. Чего тут только не было! Горы консервов и пирамиды бутылок с шампанским и вином, японские крабы, американская тушенка. Огромные банки с икрой, вязанки колбас, головы сыра, копчености. Множество красочных упаковок, коробок, коробочек и гигантских коробов, загадочно улыбающиеся манекены, одетые как в сказке.

В этом пестром великолепии Оля с удивлением заметила знакомые цвета и узоры из работ Натальи.

«Вот это да! По всей видимости, мамина фабрика закреплена за ЦУМом, – сообразила она, – надо же, а мы Наталью за дурочку держим. Хотя одно другому, говорят, не помеха. Вот было бы забавно взять за пуговицу какую-нибудь из этих, которые там внутри, расфуфыренные в шляпках, и сообщить, что рисунки для их туалетов создает городская сумасшедшая».

В это время Колька легонько дернул ее за косу и поинтересовался, идет Оля или так и будет глазеть на элементы сладкой жизни.

В Мавзолее стояла длинная очередь. Ольга с мамой однажды тоже, отстояв такую же, а то и длиннее, оказались в таинственной камере, где в полной благоговейной тишине прошли мимо прозрачного гроба, через который были видны знакомые легендарные черты – выдающийся лоб, острый нос, бородака...

Когда ребята наконец добрались до нужного адреса, открылся неприятный сюрприз: музей оказался закрыт.

Оля повертела в руках пригласительный билет:

- Как же так? Дата сегодняшняя проставлена.

- Вот так-так, - огорчился Санька, - и что же теперь, зря промотались?

- И зря потратили выходной, - проворчал Колька.

- Зато Москву посмотрели! - заметила Светка радостно.

Как только с питанием дело пошло на лад, девчонку словно подменили. Она теперь всегда находилась в приподнятом настроении, все ей было по нраву, все ее устраивало. Санька утверждал, что вот повели бы ее топить, она и там бы запрыгала от радости: ура, нырять, нырять! К тому же она давно посматривала в сторону ларька с мороженым: судя по очереди, оно там имелось.

Невыспавшийся Колька зевнул, потянулся и, задрав голову, стал рассматривать фасад здания с колоннами и фронтоном, на котором сиял герб.

- Дурацкий дом какой-то. Обрубленный.

- Так и есть, - подтвердил какой-то гражданин, - при реконструкции под музей были разобраны колокольня и луковицы-главы, поскольку это все-таки изначально храм Иоанна Богослова, что у вяза.

- У чего? - удивилась Светка, завертев головой. - А что это?

- Вяз - это дерево, - сконфуженно подсказал сестре Санька.

- Да. Но сейчас его нет. Давно было дело, при Екатерине Второй, - пояснил гражданин, - помните такую?

- Помнить не помним, а читали, - выпендрился Санька на свою голову.

- Умение читать - уже неплохо. А между прочим, молодые люди, вам кого? - спросил он, чуть улыбаясь глазами удивительной синевы.

Кольке почему-то подумалось, что это брат васнецовской сестрицы Аленушки, которую он как-то видел на репродукции. Такой же красивый и не от мира сего. Ну и, натурально, легкий костюм, пальто – это летом-то! – шляпа. Барин барином, правда держался запросто, нос не задирает. И все равно казалось, что он тут хозяин и все здесь принадлежит ему одному.

Оле же он показался вполне порядочным, вызывающим доверие человеком. (Ну не будет же бандит поминать к месту императрицу Екатерину.) Она показала билет. Гражданин, вежливо приподняв шляпу, осмотрел его и снова улыбнулся:

– О, так вы от текстильной фабрики? Той самой? Знаком, знаком, на удивление... я хотел сказать, неизменно качественная продукция.

Ольга опустила ресницы, потупилась.

– Учитесь там, работаете?

– Я дочь директора.

Он улыбнулся, снял свою мягкую шляпу:

– Отличная рекомендация. Голова садовая, это же я приглашение оформлял. Позвольте представиться, – он склонил красивую голову: – Профессор Князев, Андрей Николаевич, сотрудник музея. А вы, извините?

Ребята представились.

– Неловко получилось, как раз сегодня потребовалось срочно закрыться, нештатная ситуация с перекрытиями. Но раз вы специально приехали, мы сейчас все уладим. – Профессор посмотрел им за спины: – А остальные, простите? отошли или не дождались?

– Видите ли... – начала смущенно Ольга, но профессор Князев беспечно отмахнулся:

– Вижу. Не страшно, четверо – это уже коллектив, в котором, как известно, сила. За сим пошли.

Профессор по-хозяйски взялся за ручку, подергал, потом надавил кнопку звонка, дверь открылась, показался строгий старик в рабочем комбинезоне:

– Андрей Николаевич, тут инженер грозитя.

Увидев ребят, старик потребовал отчета:

– Вам кого, молодежь?

– Грозится – смирим, – пообещал профессор, – а это со мной. Экскурсия от текстильного производства.

– Как же...

– Ничего страшного, – беспечно отмахнулся Князев, – коллектив специально прибыл, пожертвовав собственным выходным. Прими пальто, голубчик.

Старик почтительно взял указанный гардероб. Князев одернул пиджак, поправил галстук, привел к идеалу и без того безупречный пробор:

– Прошу вас, ребята. Момент, сейчас разберусь с рабочим процессом, а после немедля к вам, все расскажу и отвечу на вопросы.

Подойдя к стене, щелкнул тумблером.

– Погуляйте пока самостоятельно. Наша экспозиция уже систематизирована и приведена в полный логический порядок. В том смысле, что все расставлено по периодам. Пояснительные записки в большинстве уже есть. Особенно рекомендую реконструкции товарища Герасимова, вам будет небезынтересно...

Откуда-то со стороны вдруг грянула пролетарская ругань. Профессор, брезгливо дернув губой, отправился на голоса.

Вскоре слышался его властный окрик:

– Товарищи, вы не в кабаке! Немедленно прекратить!

И следом извиняющийся бубнеж:

- Да мы, товарищ Князев, того, на этого...

Санька мстительно посоветовал:

- Еще юшку пустить, для профилактики. Вахлаки, в музеях ругаются.

- Пошли, пошли, - ныла Светка, дергая всех за руки.

Какой удивительный, таинственный полумрак царил в залах! Экспонаты и витрины были подсвечены так, что тянуло их исследовать, открыть какую-нибудь новую страницу мироздания. Да, тут было на что посмотреть! Помимо красивых, но непонятных карт и схем какого-то Генплана, каких-то бумажек и открыток, в загадочных витринах располагались разнообразные удивительные штуки.

- Двадцать семь тысяч лет, - дивилась Светка, старательно подсчитав нули, - это же сколько давно-то?

- Не сколько, а как, - машинально поправила Оля, - ну как тебе сказать...

Но так ничего и не сказала, погрузившись в созерцание того, что когда-то украшало шею, руки, головку какой-то женщины аж первого тысячелетия нашей эры. Светку привели в восторг древнучие, но такие красивые, легко узнаваемые игрушки - всадники, просто лошадки под седлом и без, чудные олени, бараны с огромными рогами, без задних ног, но с рыбьими хвостами, мишка в наморднике. Она дергала брата и тихонько верещала:

- Глянь, Санька, зверь в ошейнике! - На что тот лишь отмахивался.

Ребят больше заинтересовали утилитарные предметы: деревянная лыжа, каменные наконечники стрел, челюсть степного мамонта. Ну и меч какого-то доблестного товарища из доисторической эпохи, равно как и пищаль более позднего времени.

Оля, столкнувшись лицом к лицу с бюстом какого-то сурового широкоскулого человека с бородой и усами, с раскосыми глазами, приплюснутым носом и ломаными бровями, пыталась взять в толк, кто это такой. Обещанной таблички рядом не было.

4

Светка, которая подбежала поделиться свежим открытием, с опаской обошла скульптурное изображение:

- Симпатичный дядька.

Подоспевший профессор, который, по всей видимости, закончил подавлять «бунт» подчиненных, представил скульптуру как своего хорошего знакомого:

- Вот, извольте видеть: великий князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, строитель первой московской крепости на Боровицком холме.

Санька, по своей природе недоверчивый, немедленно привязался:

- Ну и охота фантазировать. Откуда они взяли, что он именно такой был? Андрей, ага, как же. Монгол какой-то.

- Цыц ты, - вполголоса одернул его Колька, - это со слов его знакомых.

Они прыснули. Ольга, сердито шикнув на шутников, покраснела. Профессор улыбнулся и пояснил, дружелюбно и снисходительно:

- Могу вас заверить, молодой человек, что это вполне научная реконструкция по методу Герасимова. - Чуть прищурившись, он смерил взглядом Кольку и Саньку и уточнил: - Или рабочая молодежь изучает историю лишь создания колеса?

- Расскажите, пожалуйста, - поспешно попросила Оля.

– Я бы с радостью прочитал вам целую лекцию с картинками. Увы, сейчас не обладаю достаточным временем. Разве что вкратце. Михаил Михайлович Герасимов – великолепный ученый – изобрел метод, который позволяет при наличии черепа восстановить внешность любого человека. Исключительно благодаря ему... а не знакомым и сослуживцам неандертальцев, – он чуть поклонился в сторону пацанов, – мы знаем, например, как выглядели эти люди. К слову сказать, свои исследования он начал в четырнадцать лет.

Колька демонстративно отошел в сторону.

Светка, тараща глаза, спросила:

– Как же можно по голой кости что-то узнать?

– Таких не бывает, – заметил Князев, подняв палец, – а уж тем более черепов. Любые останки могут снабдить исследователя исчерпывающей информацией и для восстановления облика, и для уточнения обстоятельств смерти. Вот, например, случай князя Андрея... – Он сделал почтительный жест в сторону бюста: – Если открыть степенную книгу, то мы узнаем, что он был совсем не такой – красавец с высоким челом, очами светлыми и большими. Историки же знают, что князь, как внук половецкого хана, должен был иметь характерные черты: широкие скулы, раскосые глаза. Михаил Михайлович, исследовав останки князя, обнаруженные в Успенском соборе города Владимира, сумел воссоздать и его настоящую внешность, подтвердив, как видите, догадки историков...

– Я и говорю – монгол, – вставил Санька.

– Молодец, – похвалил профессор. – Подтвердил ученый и причину смерти князя. В этой части летопись была правдива.

– Что за версия? – не подумав, спросил Санька, засмутился и от смущения нагрубил: – Что он мне, родной батя, что ли? Почем я знаю?

– Ну, батя не батя, но основатель государства, которое есть твоя родина, – деликатно, но с укором заметил Андрей Николаевич.

– Основатель моей родины – товарищ Ленин! – заявил Санька.

– Ни одно великое дело не основывается на ровном месте, – поучительно заметил профессор. – Что до причины смерти князя Андрея Юрьевича Боголюбского, то он был вероломно убит своими приближенными.

– Вот подлюки фашистские, – снова влез Санька, но на этот раз профессор никак не отреагировал.

– Даже безоружный, он был очень силен, и злодеи долго добивали его. Исследование его останков подтвердило факт зверского убийства и силы ударов, повредивших даже кости скелета.

– Ничего себе история, – пробормотал Колька. Интерес преодолел обиду, и он вернулся обратно, – товарищ профессор, за что же они его так?

– Князь Андрей стремился к единоличному правлению, с этим не были согласны бояре. К тому же ему мстили за родственников.

– Ну а все-таки, откуда товарищ Герасимов узнал, что именно такое лицо было у князя?

Андрей Николаевич похвалил:

– Очень хороший вопрос. Эта методика – плод многолетних исследований, накопления данных и анализа, систематизации...

Увидев, что гости приуныли, профессор поспешил пояснить:

– В общем, все наблюдения сведены в таблицы: вот такой нос влечет за собой именно такое расстояние между глазами, такая-то форма глазниц – такой-то разрез глаз, ну и так далее. Понятно?

– Да. А ошибиться он мог?

Андрей Николаевич развел руками:

– Пока не ошибался.

В это время его опять позвали, и профессор, извинившись, удалился.

Санька со Светкой остались у витрин, Оля отправилась дальше – ее внимание привлекли то ли картины, то ли фотографии, до такой степени тонко и старательно воспроизводились на них мельчайшие детали.

– Чего тут? – вполголоса спросил Колька.

– Как интересно, – прошептала Оля, – как будто своими глазами видишь!

Колька при всем своем здравомыслии и приземленности не мог отвести взгляд от мира, воссозданного на обычной бумаге обычными красками. И впрямь: смотришь – и веришь, что вот именно так все и было, что именно это и можно было увидеть тогда, в стародавние времена, когда на месте Москвы были лишь землянки, – конечно, если бы тогда возможно было бы посмотреть на нее с аэроплана или воздушного шара. Воочию видишь, как люди работают, создавая под зорким княжеским взглядом первые стены Кремля. А вот уже вырастает град дубов, деревянный город – как на ладони открываются стены и башни дубового Кремля, крыши боярских домов, княжеские хоромы, первые московские белокаменные храмы. Белокаменный кремль Дмитрия Донского и, наконец, красная кирпичная крепость.

– Вот люди мучились, когда «леек» не было, – сострил подоспевший Санька.

– Цыц ты, не на базаре, – уже на полном серьезе шикнул на него Колька.

– А чего тут? – с интересом спросила Светка. – Это где такое?

Колька принялся с грехом пополам объяснять изображенное на картинах так, как читал тогда, когда было время читать, и постепенно так увлекся, что не заметил, что профессор Князев уже вернулся и тихонько стоит за его спиной, внимательно слушая.

– Вы молодец, молодой человек, – заметил он, когда Колька увидел его и замолчал, смутившись, – в целом все верно. Позвольте пожать вашу трудовую длань, – последовало рукопожатие, от которого Колька (польщенный, надо признать) и не подумал уклониться.

– Не обижайтесь на мою резкость. Я каждый раз очень радуюсь, когда человек оказывается умнее, чем кажется, – серьезно заявил он, – да, ребята, перед вами уникальные картины. Михаил Михайлович Герасимов скрупулезно воссоздавал внешность давно ушедших в небытие людей, а Васнецов...

– Как, тот самый? – обрадовалась Светка. – С серым волком, Аленушкой и тремя богатырями?

– Почти. Младший брат того самого, имя ему Аполлинарий, – уточнил Андрей Николаевич, – а картины его ценны тем, что он тщательно прорабатывал исторические данные и с помощью своего дарования воссоздавал не карту города, а его душу, воскрешал его образы. Ни одна фотография так не может. Посмотрите, это же настоящее размышление в красках.

– Лучше не скажешь, – задумчиво согласилась Оля.

Переливы золота, лазури, зелени, пурпура, которые складывались в единую картину, точь-в-точь как в ее удивительном сне. Погруженная в созерцание, она не слышала дальнейших пояснений профессора, которым внимали – что удивительно, с интересом и молча – ее спутники, и очнулась лишь тогда, когда профессор посетовал:

– ...к сожалению, война нанесла непоправимый урон не только общему хозяйству, погибали не только люди. Сколько бесценных экспонатов потеряла наша страна. Множество ценностей похищены захватчиками, а то и уничтожены. К слову, в ваших краях случилась трагедия: тридцатого декабря сорок первого года во время бомбежки погибло множество музейных сокровищ.

Светка распахнула голубые гляделки:

– Что же они у нас делали?

– Один эшелон следовал из центра, в эвакуацию, на Урал, – пояснил профессор, – в составе второго эшелона перевозили экспозицию из Крыма, ее предполагалось отправить туда же, на Урал. Вот единым составом все и накрыло.

– Да, и я помню, – вставил Колька, – сдетонировали боеприпасы, два батальона погибло. Ярко горело.

Профессор, как будто не расслышав, продолжал:

– Погибла в том числе и удивительная коллекция археолога Введенского.

– Ух ты, это как Наталья? – ввязалась Светка. Санька одернул ее – цыц, мол, но профессор то ли не услышал, то ли оставил без внимания.

– Он успел передать в крымский музей дело всей своей жизни, в том числе знаменитый золотой чемодан – множество предметов, золотые маски, бусы, подвески, кольца, браслеты, пояса из золотых пластин, монеты, оклады к иконам, а главное – легендарных скифских рыб-китов...

– Это как в книжке про Конька-горбунка? – спросила Светка.

– Точно! – подхватил профессор, как бы вернувшись из воспоминаний в реальный мир. – Умница. Помнишь, как это там говорится?

– А как же, – важно заявила она, наморщилась, надулась, как лягушка, и выпалила: – «Чудо-юдо рыба-кит поперек его лежит, все бока его изрыты, частоколы в ребра вбиты, на хвосте сыр-бор шумит, на спине село стоит!» Вот.

– Отлично, – одобрил профессор, – погоди, сейчас премия будет.

Он извлек из кармана пиджака длинную барбариску в вощенной бумаге.

– Спасибо, – обрадовалась Светка и бережно припрятала «премию».

Профессор Князев вернулся к рассказу:

– Да, это рыбы выдающиеся. Круглой формы работа, то ли мужское украшение, то ли вообще элемент конской сбруи: две рыбы, плывущие одна за другой. Хвосты у них – головы баранов, на верхних частях туловища изображены львы, нападающие на кабанов. А ближе к брюхам – стаи рыб, следующие за человекорыбами.

– Ихтиандрами? – спросил Санька требовательно.

– Возможно, – кивнул профессор, – древние скифские символы, смысл которых пока не разъяснен. Так вот. Эти и иные сокровища, обнаруженные археологами за долгие годы работы, а также несколько поистине бесценных икон Введенский упаковал в простой фанерный чемодан, обтянутый вишневой кожей, и отправил под охраной на адрес наркомата культуры...

Санька хмыкнул, демонстрируя независимость ума и суждений:

– Золото – это я понимаю, потеря. А иконы какие-то, подумаешь!

Андрей Николаевич улыбнулся:

– Не могу с вами полностью согласиться, молодой человек. Золото – это важно, но далеко не все. Русские же иконы – это духовное сокровище нашего народа, его память, душа, умозрение в красках. И, если пожелаете принять, они не менее золота спасали людей от гибели.

– По молитвам? – криво усмехнулся Колька.

– По деньгам, за которые были проданы ценителям на международных аукционах, – холодно уточнил профессор, – впрочем, как уже сказал, помимо икон было много всего. А уж что до картин, то безвозвратно утеряно больше тысячи работ русских художников, на миллионы золотом. – Он встряхнулся и тяжело вздохнул: – Впрочем, это выходит за рамки нашей экскурсии. Если у вас остались вопросы, я готов ответить.

5

Несмотря на то что пора уже было домой, ребята не удержались, сгоняли на Ленинские горы, чтобы с высоты посмотреть на этот огромный, до горизонта, город.

Потихоньку набегали тучи, но из-за них пробивалось солнце и золотило кремлевские купола. Где-то уже виднелись новехонькие колоссальные здания, где-то по-прежнему сияли умытыми окошками деревянные домики, но все это было единым городом, удивительным, многоликим.

В молчании, под впечатлением, ехали обратно в электричке. Глядели на военные огороды за окном, от которых люди еще не готовы были отказаться, несмотря на то что уже никто не голодал. Москвичи пока не собирались жертвовать своей картошкой и капустой даже в угоду мирному облику своего любимого города.

Светка, переполнившись впечатлениями, восторгалась всем, но прежде всего профессором и его подарком.

- Тебе дали-то фитюльку, а восторгов на полведра, - поддразнил ее Санька.

- Что бы понимал! Если ее как следует рассосать, а не грызть сразу, то получатся такие дырочки, наскрозь чай из кружки можно пить. Сладко - и сахар не надо тратить!

- «Наскрозь», - передразнил брат. - Деревня! Зубы повыпадают - будешь знать.

- Не, ну в музее, конечно, здорово! - спохватилась девчонка. - Мне там больше всего понравились эти... ну, игрушки, и картинки тоже ничего, а еще бирюльки, что в уши вставляешь.

- Нашла чем восхищаться, - осадил важный Санька. - Детский сад. Вот ты еще в Музее Ленина не была, вот там - да!

- А ты что, был? Ой, я тоже хочу! Расскажи, расскажи, что там?

Санька собрался с мыслями, надулся, точь-в-точь как его сестра перед декламацией «Конька-горбунка», соображая, с чего начать.

- Значит, так. Там все осталось точь-в-точь как было при Ленине! Книжки, бумаги, даже карандаши и ручки, ясно?

– Ух ты... дедушка Ленин никогда ничего не выбрасывал, понимаю. А что ты там видел еще?

– Много чего, так и не упомнишь. Пальто его видел, ботинки... стол, стулья, зеленую лампу...

– Ту самую?! – замирая от восторга, уточнила девчонка.

– Ту, – твердо заверил брат, – не место шутки шутить, там все всерьез. Везде тихо-тихо, и только тетки с указками про него рассказывают... в общем, соберемся как-нибудь, – пообещал Санька и широко зевнул: – Ох, что-то я устал.

И немедленно погрузился в сон. Он умел засыпать как барсук – в любом месте, в любой позе, крепко-накрепко. Повозившись на сиденье, угомонилась и Светка.

Оля придвинулась к Кольке:

– Слушай, а ты помнишь историю со взрывом?

Он признался:

– Еще бы не помнить. Хотя, конечно, холодно было да жрать постоянно хотелось и ни о чем другом не думалось как-то, но разве забудешь тут. Столько народу погибло, снаряды рвались еще сутки, народ обезумел, рыскали чуть не с вилами, все диверсантов разыскивали. Кого-то и поймали... сгоряча, не со зла. Мы три дня всем миром ров копали.

– Какой ров? – не поняла Оля.

– Я же говорю, – терпеливо пояснил Колька, – два эшелона в клочья и два батальона то ли десантников, то ли летчиков. У них петлички голубые были, ну, на рукавах. По всей округе разбросано было – руки, ноги, – тут он спохватился, мысленно выругав себя ишаком: – Тихо, тихо, только не плачь. Давай так сделаем: я ничего не говорил, ты ничего не слыхала, лады?

– Лады, – улыбнулась Оля, быстро утирая слезы.

Колька легонько дернул ее за косу:

- В кино пойдём?

- Пойдем. Только надо добежать до Натальи, там ей на работе подсобрили какой-то очередной помощи.

- Тебе помочь? Тяжелое, наверно.

- Я пока не знаю, что там. Пошли вместе посмотрим, оттащим, что следует, и как раз успеем на сеанс.

Забежав на фабрику, перебрали «пожертвования»: платок, пакет с мукой, консервы, крупа, пакетик леденцов для Соньки...

- Это вот ей вообще ни к чему, - заявила Оля, выкладывая лакомство обратно на стол.

- Почему? - не понял Колька.

- Наталья запрещает Соньке сладости. Так, а вот тетрадку от себя, так и быть, подложу. Так, и сахар ни к чему.

- А сахар чего, тоже нельзя? - удивился Колька.

- Не позволяет она сахару. Коль, давай без вопросов, опоздаем.

Закончив сборы, они поспешили к хибарке Натальи.

Это ее только так называли - «хибарка», на самом деле это был барак, небольшой дом с двумя отдельными входами. В одном обитали мать с дочкой, окна второй половины были забиты крест-накрест. Со стороны улицы - палисадник с разросшейся сиренью, с другой стороны - пустырь, заросший лопухом и прочим сорняком, хладнокровная целина, которую Наталья безуспешно пыталась возделывать. Жилья вокруг было немного, даже улица, на которой осталась только одна эта хибара, предназначенная на снос, уже не значилась на плане города.

Открыла сама хозяйка – как всегда, очки на ухе, платок на боку, – пригласила войти. Внутри бедно – стол, табуретки, топчан за занавеской, но чисто. Странная Наталья отличалась немалой хозяйственностью: пол выскоблен, на окошках – ни пылинки, занавески – свежие, и даже тряпица, которой прикрыта единственная миска с двумя ложками, аж режет глаза белизной.

К слову, иной раз возникали вопросы, куда Наталья деваает эти тряпки, которые ей так старательно собирают. Злые языки поговаривали, что она их перешивает и продает на толкучке, специально отъезжая подальше. Другие осаживали: «Вам какое дело – отдали, и шабаш».

На столе лежал ворох эскизов с узорами, расчерченных стрелочками, черточками и какими-то ценными указаниями, – видимо, не угадала Гладкова-старшая с представленными образцами, не прошли они комиссию. Однако надомнице Введенской сейчас было не до того: она работала у вертикальной подставки, а рядом, на табуретке, прислоненной к стене, лежал раскрытый альбом репродукций.

– Для школы, – пояснила Наталья, точно извиняясь.

Присмотревшись, Оля радостно спросила:

– Ой, это же Васнецов, тот, что Аполлинарий?

Наталья, которая, едва поздоровавшись с гостями и поблагодарив за помощь, немедленно впала в особый художественный транс, вдруг пришла в себя и очень обрадовалась:

– Олечка, да! Как удивительно! И ты что же, вот так знаешь Аполлинария Васнецова?

– Немного, в музее видела, – смутилась Ольга.

Но Наталья, казалось, не обратила внимания на ее смущение. Она так обрадовалась, точно встретила родственную душу, заговорила быстро и воодушевленно:

– Вот увидишь, как будет прекрасно, когда я закончу. И сейчас, даже просто в книжке, какая красота, правда? Какая глубина, какие оттенки синего, как точно передано грозное небо. Гроза, гроза надвигается на вечный город, но как же ярко-преярко сияют золотые купола соборов! Вот это Архангельский, вот Благовещенский, а это Успенский. И купола, и белокаменные соборы, и Кремлевская пурпурная стена – они вечны. И какими смешными кажутся эти вот современные повозочки...

Оля вдруг заметила, что хозяйке от силы лет тридцать.

«Это, наверное, потому она так старо выглядит, что ходит в балахоне и говорит смешно, как старушка».

Наталья что-то еще долго объясняла про колорит, про единство композиции, потом начала читать на память стихи про древнюю обитель супротив луны, мрамор неба, синий, с белыми разводами, об облаках, глубину небесную в черноту сгущающих.

Колька ошеломленно кашлянул, хозяйка осеклась, как будто опомнившись, сокрушенно уронила руки:

– Простите, ребятки. Вечно я о чем-то своем. Такая вот дурочка тетка Наталья. Потому-то Ванечка и ушел, потому и бросил меня, горемычную...

Огромные глубоко-синие глаза наполнились слезами. Колька окончательно застеснялся, отвернулся, неуверенно подергал Ольгу за рукав.

– Мы пойдем? – тихонько спросила девушка.

– Конечно, мои хорошие, конечно, спасибо вам за подарочки. Поклон мамам передавайте. Осторожно в передней, там темновато, – протянула она и вернулась к работе.

В прихожей было не темновато, а хоть глаз выколи. И как Колька, держа Олю за руку, ни осторожничал, передвигаясь мелкими шажками, все равно влетел ногой в какой-то деревянный ящик.

– Коля! – прошипела Ольга. – Отойди.

Она пришла в ужас при одной мысли о том, что вот это все, что по стенам, – это картины, а Колька своим башмаком тут... Она прислушалась, затаив дыхание. По счастью, хозяйка, погруженная в работу, не проявила никакого интереса к шуму. А может, просто грохот в передней был ей привычен.

– Ни пса не видно. Оль, достань спички, там, в кармане.

– Я тебе! Опять куришь? Ты же обещал!

Кое-как обошлись без спичек, но свободно вздохнули лишь на улице. Колька уточнил нетерпеливо:

– Сделали доброе дело? Тогда погнажи, а то опоздаем!

Они успели на сеанс, благо до кинотеатра через парк было всего ничего.

6

Уже давно не секрет: Сорокин, вернувшийся из главка, – человек страшный. Особенно если до этого он подбивал статистику. Он и без того недовольно косил единственным своим оком в сторону подчиненных (особенно когда они разбегались при приближении пострадавшей гражданки Введенской).

Поэтому, когда на горизонте вдруг снова показалась Наталья – безобразие, вне обычного графика! – бывалый Остапчук бодро, пусть и неразборчиво, сообщил о необходимости ему прямо сейчас «определиться по украденным соленьям» и сделать внушение самогонщице бабке Домашке. Ишь, моду взяла – баб спаивать. После апрельского указа, не желая тянуть на старости лет шестерик, она стала куда осторожнее: чужим не продавала, на голубом глазу утверждая, что все объемы исключительно «для собственного употребления». И употребление это маскировала дружескими посиделками по «подругам». Хотя абсолютно всем было известно, что врачи ей запретили выпивать, а «подруг» у нее сроду не было.

Остапчук сбежал. Акимов тоже было заметался, но стало понятно, что отделение не оставишь, а неотложных дел, как назло, у него не оказалось. Ведь еще с утра он уже принял Наталью и покорно выслушал в очередной раз ее тихие, невнятные, но такие жалобные речи. И вдруг – нате, опять она, вне графика. Снова гражданка Введенская нежным, музыкальным голосом поведала историю своей жизни, встречи с Ваней, объяснила, какой он был замечательный и внимательный, как он первый раз признался ей в любви.

Акимов лишь потирал рдеющие уши и прятал глаза, было так неловко, как будто он лично присутствовал при этом проникновенном, хотя и немногословном действе. Наталья при всей своей конфузливости обладала весьма образной речью и живым воображением. Иначе чем объяснить, что чем дальше, тем более разнообразным, обрастая новыми красочными деталями, становилось ее повествование?

Наталья увлекалась, сверкала глазами, кулачки ее трепетно сжимались. Неловко было ее прерывать. Сергей, сочувственно кивая, закономерно отвлекся на размышления о том, а что он вообще знает о Ване Палкине и о его жене Наталье? Оказалось, ничего. Люди они были тихие, ничем не примечательные, гостей не привечали, сами по гостям не ходили. Ваню любили, Наталью – нет, но теперь, конечно, все не так.

«Удивительно кислая и паскудная история», – философски заключил Сергей и в этот момент увидел возвращающееся начальство, а с ним – какую-то незнакомую пигалицу с портфелем в руках.

– Наталья, не пора за Сонечкой в садик? – деликатно намекнул Акимов, памятуя, что только упоминание о любимой дочке способно привести эту психическую в чувство.

Наталья спохватилась:

– Ах да, ведь и правда! Как с хорошим человеком поговорить приятно: даже не заметила, как время пролетело. До скорого свидания, Сергей Палыч, вы ведь Ваню найдете?

– Конечно, – не моргнув глазом соврал Акимов.

- Вот и хорошо, - обрадовалась Наталья, попрощалась и направилась к выходу.

Обернувшись в дверях, она уточнила:

- Я еще к вам загляну, позвольте?

- Позволит, позволит, - уверил ее Сорокин, как раз заходя в кабинет, - это наша работа, не сомневайтесь.

Наталья степенно поклонилась:

- И вам доброго дня! - И удалилась.

Удивительно она двигалась: не шла, а как бы плыла, и от всей ее сублильной, странно облаченной фигурки все-таки веяло немалым достоинством.

- Знакомьтесь, - пригласил Сорокин.

В дверь никто не вошел.

- Екатерина Сергеевна, ты где? Где пропала?

- Тут, - в кабинет проникла маленькая девчушка, остроглазая и остроногая, скуластая, с коротко стриженными темными волосами, в ситцевом костюмчике. Она напоминала какого-то зверька - то ли мыш, то ли лисицу.

- Знатную даму пропускала, - улыбнулась она и представилась: - Екатерина Елисеева, можно просто Катя.

- Сергеевна, Сергеевна, - назидательно поправил Сорокин, - нечего прибедняться. Привыкай, что ты - представитель власти и должна пользоваться уважением. Итак, товарищ Акимов... Сергей Павлович, знакомьтесь - наша практикантка из славного Заочного юридического института. Прошу любить, жаловать и щедро делиться опытом.

– Было бы чем, дела наши кастрюльные. – Акимов осторожно пожал протянутую крошечную ручку. «До чего же хрупкое создание, как бы не сломать».

– Не прибедняйся, – бодро посоветовал Сорокин, – у тебя всегда есть чем поживиться. Ладно, знакомьтесь, располагайтесь, Сергеевна, вот как раз свободный стол.

Начальство удалилось. Практикантка принялась осваиваться на рабочем месте. Из портфеля была извлечена одна книжка, вторая, третья...

Акимов ошеломленно наблюдал:

– Что, будем работать?

– Обязательно, – согласилась Катя, продолжая выгрузку. Показалась четвертая, пятая и шестая книжка со смутно знакомыми названиями: «Криминалистика», «Криминология», «Учебник по уголовному процессу», «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе».

– Вы что, это все прочитали? – не подумав, удивленно спросил Акимов.

– И выучила, – совершенно не обидевшись, ответила она, – все это теория, ничего трудного, не то что ваша работа. Вы практик, в любом случае больше меня знаете.

– Это – да, присутствует, – охотно признал Сергей. В ее восхищенных глазах он рос как на дрожжах.

– А какие дела вы мне передадите?

«Ах ты моя хорошая, моя милая, как ты вовремя!» – потирая мысленно руки, Акимов посмотрел на лежащее на столе тухлое дело об исчезновении Вани Палкина, оставившего без куска хлеба полоумную жену Наталью и серьезную дочку Соню. И только потом полез смотреть, чем бы еще порадовать горящую энтузиазмом практикантку.

Нельзя не признать, что старшие товарищи с постыдным удовольствием сплывали Сергеевне – так с легкой сорокинской руки начали называть Катю – все самые нудные дела. Правда, эта диверсия очень скоро обернулась против них самих. Тихая старательная Сергеевна как-то весьма споро разобралась с рутинной, во что Сорокин не преминул ткнуть подчиненных носами.

Глядя, как она лихо расшифровывает самые невнятные бормотания свидетелей и потерпевших, безошибочно выдергивая главное, не только Акимов, но и бывалый Остапчук испытывали чувство зависти, недостойное советского человека.

Ишь ты, кольщик-ударник! Она даже из Натальи умудрилась выдернуть что-то внятное, по крайней мере после разговора с ней – тихого, задушевного, как желчно выразился Остапчук, «сугубо бабского» – Сергеевна выпросила себе тухлое дело Вани Палкина и глубоко над ним задумалась.

Оставалось успокаивать себя тем, что более серьезные дела ей вряд ли по плечу, – хотя оснований для этой уверенности уже не было. Вскоре старшим товарищам и зубрам сыска пришлось искренне раскаяться в своем высокомерно-снисходительном отношении к маленькой и слишком умной Сергеевне. Всему виной стала наука геометрия.

7

Год назад в квартире дома Гладковых прогремел выстрел. Взрослые и дети заполонили лестничную клетку, взволнованно спрашивали, в чем дело.

– Это у Зыковых, – первой сообразила Оля, указывая на дверь, где проживал получивший квартиру военный капитан с супругой.

Словно в подтверждение ее слов, дверь распахнулась и на лестницу с ужасным воплем выскочила бледная растрепанная Зоя, жена капитана, в ночнушке и папильотках. Истошно крича, она кидалась на стены, хватала людей за грудки и вообще выглядела как помешанная. Соседи, войдя в квартиру, увидели на кровати труп хозяина, а рядом, на полу, – пистолет, по всей видимости,

выпавший уже из мертвой руки.

Акимов поежился, вспомнив эту картину. Зоя Зыкова, полуголая, как будто не соображала, где она и кто все эти люди, водила пустыми глазами, истерично икала и отталкивалась руками, так что Вере Вячеславовне понадобилась помощь соседней, чтобы накинуть на нее халат.

На допросе Зыкова показала, что в тот вечер они были в гостях на именинах, затем выпили еще дома, и она, Зоя, легла отдельно на кушетку, потому что капитан был сильно пьян.

– Зачем же вы еще-то усугубили? – деликатно попытался уяснить Акимов, но она лишь руками развела:

– А что поделаешь? Муж в последнее время выпивал, были претензии по службе, начались болезни, к тому же он сильно храпел...

Она снова завывала, да так по-бабьи, что пришлось прервать допрос.

Вскрытие показало, что причиной смерти капитана стало сквозное ранение в область правого виска. Убитый был правша, вокруг раны ясно были видны ожог и частицы пороха у входного отверстия. Это убедительно подтверждало, что выстрел был сделан в упор. Экспертиза подтвердила и тяжелую степень опьянения покойного.

Все это воспринималось как пустая формальность – и так было понятно: напился и застрелился.

– А причины? – недовольно спросил Сорокин у прокурора.

– Бытовое пьянство, морально-нравственное разложение, проступки по службе, – с нетерпением отозвался тот. – Сорокин, что тебе еще надо? Конец года, между прочим.

И дело прекратил.

Вот почему Акимов удивился, обнаружив однажды практикантку изучающей это самое прекращенное дело.

– Сергеевна, тебе что, делать нечего?

– Есть, – возразила она, что-то черкая пером на бумаге, – и тут тоже.

– В каком смысле?

– В таком, что мы как-то моментально схватились за версию, что он покончил с собой, подсунутую вдовой убитого.

– Убитого? – удивился Акимов.

Сергеевна подняла глаза и твердо повторила:

– Убитого.

– С чего ты взяла?

– О, это долгая история, – с некоторой издевкой начала Сергеевна, – вы, например, знаете, что Зоя, погоревав всего-то полгода, вселила в квартиру некоего товарища Аркадия из снабжения войсковой части, в которой служил ее супруг?

– Нет, не знал. И что?

– Допустим, это ни о чем не говорит, – согласилась практикантка, – она – женщина еще молодая, чего бедовать одной? Однако в некрасивом деле с пропавшими продпайками, которое пытались повесить на Зыкова, фигурировал в том числе и этот товарищ Аркадий. Это, как говорится, раз.

– Ну-ну, – усмехнулся Акимов, но Сергеевна и ухом не повела.

– Вот вам и два: товарищ Аркадий, как сообщила его жена...

- ...то есть как - жена?

- Именно. Ради Зои он бросил жену с двумя детьми, двух и четырех лет. Так вот, брошенная жена товарища Аркадия утверждает, что он... простите, ее лексика, «путался» с этой дамочкой со времени рождения младшей дочки. То есть целых два года. Устойчивая связь. Так?

- Так.

- После того как товарищ Аркадий обосновался в квартире Зыкова, Зоя бросила работу, соседи - Гладковы, Соколовы, Масальские и прочие - отмечают, что у нее появились замашки состоятельной дамочки. А уж как ее разнесло!

- Забеременела?

- Отъелась, - прямо заявила тощая Сергеевна. - А теперь о главном.

Она, придвинув листок, снова принялась чертить какие-то оси, давая пояснения по ходу:

- Тут входное отверстие, вот выходное, следовательно, пуля имела уклон вот под таким градусом...

Акимов с уважением смотрел на эти вычисления и терпеливо ждал, когда ему пояснят, в чем смысл. Сергеевна, осознав, что ее выкладки не воспринимаются, сказала прямо:

- Если принять за исходное то, что Зыков находился в положении лежа, то мне, для того чтобы поверить в то, что он сам, своей правой рукой, застрелился, не хватает сантиметра.

- Всего-то? - съехидничал Акимов.

- Целый сантиметр, - ответила Сергеевна. - Необходимо эксгумировать труп.

- Тебе надо - ты и занимайся.

И она занялась. На изумление, Сорокин весьма заинтересовался ее выводами и всецело подключился к решению вопроса. Это оказалось непросто, поскольку бедного Зыкова хотя и не похоронили за оградой – все-таки двадцатый век на дворе, – но могила его была сильно запущена. Так и лежал он – хуже собаки, даже без таблички с именем и номером.

В общем, на основании новых осмотров, вычислений, экспертиз и экспериментов, кропотливого восстановления наиболее вероятной траектории полета пули стало совершенно очевидно, что Сергеевна со своей геометрией попала, что называется, в яблочко. Сантиметра, а точнее восьмидесяти семи с половиной миллиметров, не хватало для того, чтобы Зыков на самом деле мог застрелиться. Дальнейшие детали – приглашение Зойки, разговор с ней, предложение посчитать самой, наконец, предъявление результатов исследований – были уже делом техники, которую Сорокин взял на себя. Сергеевна наотрез отказалась в этом участвовать.

– Противно, – заявила она, – готова понести наказание за непослушание.

Конечно, никому и в голову не пришло наказывать практикантку.

Припертая к стенке Зойка призналась, что и вправду сошлась с товарищем Аркадием, который вертел темными делами по снабжению воинской части, неплохо на этом наживаясь; созналась, что Зыков постепенно начал это подозревать, а заодно и прозревать, и как она хладнокровно разыграла самоубийство несчастного капитана, предварительно как следует его напоив.

Товарищ Аркадий занял твердую позицию: нет, об убийстве он ничего не знал. По итогам тщательного расследования так и оказалось. Правда, возмездия он не избежал: в скором времени ему пришлось сесть уже по поводу хозяйственных махинаций.

И долго еще орал Сорокин за плотно прикрытыми дверьми и в отсутствие Сергеевны:

– Зубры, опера, вашу мать, девчонка мордой ткнула, как щенят в лужу!

– Николай Николаевич, вы же сами... – попытался было оправдаться Акимов, но был немедленно заткнут:

– Станешь моим начальником – рот откроешь. Меня мордой уже другие повозили, теперь моя очередь.

Всего обиднее было то, что Сергеевна ни слова не проронила в укор или обличение. Девчонка просто сделала одну работу и принялась за другую, не претендуя на то, чтобы кому-то что-то указывать и вообще верховодить старшими.

8

Киносеанс окончился довольно поздно, уже сгущались уютные сумерки.

Колька предложил:

– Пройдемся? Погода-то какая хорошая.

Оля улыбнулась:

– Конечно, пошли прогуляемся.

Именно сегодня не было ничего хорошего в этой погоде. К вечеру стали сгущаться тучи, потянуло ветром, а красная кайма на небе злорадно свидетельствовала о том, что не будет вам, граждане, ничего хорошего и завтра. Летом, когда самое время купаться-загорать, без зонта на улицу носу не покажете.

В хорошей компании даже по парку с вытоптанными клумбами и разбросанными повсюду чинариками побродить приятно. И после нового фильма о нелегкой судьбе талантливого пианиста, который после ранения потерял возможность играть, зато сам сумел сотворить шедевр, так хотелось воспарить умом куда-то за облака и поумничать.

Колька положил начало обсуждению следующим образом:

- Ничего себе фильмец, лихо он, это самое, в себя пришел и сочинил, да?

- Конечно, молодец, - серьезно отозвалась девушка, - пусть и унывал поначалу, зато сумел быстро понять, что главное - это для людей творить, чтобы они понимали красоту окружающего мира, осознавали, какую важную работу они выполняют...

- Ну да, - согласился Колька.

Оля поняла, что дискуссия завершена, и сменила тему:

- Как у тебя дела в учебе?

- Да отлично все. Вот новые станки поступают, поговаривают, будем расширяться, выпускать пневмомолоты и тисы машинные. План мы всегда выполняем. Иной раз поцапаешься с мастером. Он-то, может, и не виноват, но с сырьем запутка... ну, неважно. Спортзал хороший, со штангой. Шамовка, ну, еда то есть, сама знаешь. Я вообще хочу вопрос об общежитии провентилировать, но пока трудное дело, с пропиской-то.

Да уж, про учебу и работу Колька распространялся куда более связно и красноречиво. Серьезный, аккуратно подстриженный, в новенькой форме. От мамы Ольга знала, что для ремесленных училищ по спецзаказу шьют отменные шинели и костюмы, смежники подгоняют обувь - конечно, совсем другой вид у человека, если его как следует приодеть!

- По школе, стало быть, не скучаешь? - спросила Оля, вспомнив, как увлекательно и со знанием дела Колька излагал эволюции и перипетии московской истории. Красочно у него это получалось, как будто перед мысленным взором вставляли описываемые им картины. Как это профессор сказал - умозрение. Точно. Умом зришь.

- Да я, Оль, что-то и не думаю, - признался парень, - как-то идет жизнь - ну и идет. Удержаться бы на ровной дорожке, вот о чем больше думаешь.

- А что, разве есть где свернуть? - улыбнулась Оля.

– Да как тебе сказать. Найдется обязательно какая-нибудь кривая дорожка, как однажды нашлась. Да не забивай себе голову, как-нибудь пробьемся, – пообещал Колька, как бы невзначай обнимая девушку, которая тоже как бы случайно положила голову ему на плечо. – Луна-то какая красивая!

Так и шли они себе, не торопясь, думая каждый о своем и друг о друге. Миновали парк, вышли туда, откуда несколько часов назад спешили на сеанс, – к Натальиному дому. И тут безмятежность вечера была прервана самым грубым образом.

Всему виной была собака, точнее собаки, целая стая. Дворняги вылезли откуда-то из-за кустов, кудлатые, все в земле, припадая на лапы и повизгивая, перекатывая, покусывая и грызя какую-то вещь, округлую и светлую. Увидев людей, свора насторожилась, ощетинулась, и, припадая к земле, псы принялись подкрадываться.

Колька, хмыкнув, сделал вид, что подбирает с земли камень, – свора кинулась кто куда, оставив свою игрушку. Парень, приглядевшись, не сдержался:

– Оля, отвернись.

9

– Что ты имеешь в виду – собаки катали? – с раздражением спросил Акимов, стараясь не смотреть в сторону того, что лежало на столе, бережно прикрытое Колькиной робой.

– То и имею, – отозвался Колька, соображая, как будет объясняться с завхозом по поводу пропавшей прозодежды. Понятно, что после всего этого носить ее невозможно.

– Вечно шлындаете где ни попадя, – проворчал Сергей. – И что ж ты его, товарищ, взял так и приволок?

– Я к нему не прикасался. Ну а как иначе-то? Не мог же я девчонку одну по тмени к вам отправлять, да и стеречь это вот не оставишь. Барбосов там стая целая.

– На будущее – все-таки лучше не трогать, – поделился Остапчук житейской мудростью, – улики все-таки.

– Я не трогал! Собаки трогали. Вот, завернул, принес, а тут разбирайтесь сами, недосуг мне. – И Колька удалился, оставив оперов в тягостных раздумьях.

Через окошко Акимов наблюдал, как пацан, выйдя из дверей, поднимает с лавочки зареванную Ольгу, что-то объясняет, наконец с жестом, который может означать только одно («подбери нюни»), уводит в сторону отчего дома.

– Хорошие у нас места, спокойные. Разве что о черепушки спотыкаешься, – бормотал Остапчук, потирая лицо. – Серега, попали мы с тобой. Снова.

«Ты прав, старший товарищ. И снова, и снова... Вот уже который год войны нет, а разные решения, приказы – нормализовать оперобстановку в городе, об исполнении доложить. Как же так, хребет фашистскому зверю сломали, а своих зверюг отловить не можем. Вон, даже девчонку спокойно не проводишь. Ну а если все-таки...»

Вслух Сергей предположил:

– Так, может, это еще с войны. С декабря сорок первого, тут, говорят, столько народу в сорок первом на станции полегло – руки-ноги разлетались. Может, и это... откуда нам знать?

Опытный товарищ ехидно кивнул:

– Ну да. Слышь, фронтовик, совет забесплатно: при Сергеевне еще не ляпни, а то задаст она тебе перцу. Извлечет свою лупу и моментом повесит на нас глушачок.

– Так и так уже висит.

Старший товарищ и не чихнул в его сторону, а заявил вполне уверенно:

– Я тебе и без нее, и без лупы то есть, могу точно сказать: пассажиру нашему от силы года два-три и это мужик.

– Из чего это следует, Шерлок Холмсыч? – скромно спросил Сергей.

– Ты бы в другом месте умничал да по другому поводу, – посоветовал Остапчук. Откинув робу, он обнажил череп, найденный Колькой, и принялся объяснять, указывая карандашом:

– Чего тут... все и так видно: твердый мозг – вот, на оболочке – и корешки засохшие в глазницах. Ну а то, что мужик, то где ты бабу с таким жбаном на плечах видел? – он показал руками на треть больше своей природной, весьма немалой, головы. – Да и морда больше мозговой части. В общем, относительно свежий, не сомневайся.

– Ну хорошо. Может, и от чего скончался, скажешь? Чего уж стесняться.

– Нет, не знаю. По затылку огрели, вот трещина. Но может, и нет.

Остапчук с непередаваемой печалью таращился на череп, который безмятежно взирал на него пустыми глазницами, как бы говоря: «Именно так, дорогой товарищ! Думаешь, что построил рай на земле, то есть сейф с делами разгрузил, – а я к тебе вот собственной персоной».

– Ничего не попишешь, – философски заметил Сергей, прикрывая находку, – что уж тут, у любого злодеяния есть такая особенность – всплывать, выкапываться. Ладно, делать-то с ним теперь что?

– Вот сейчас обернем – и в авоську, до утра за окном оставим.

– А вороны, а кошки?

– Повесим повыше – не доберутся. С утра Сорокин укажет.

– А ну как пропадет?

- Пропадет – так опять потом всплывет, – уверенно заявил Остапчук, – сам же говорил.

- Ладно.

С утра Сорокин, не слишком довольный тем, что за окном вверенного ему отделения красуются вещи, порождающие в сторонних наблюдателях, как он выразился, «мерехлюндии», раздал всем по ценным указаниям и сделал ряд внушений:

- Ты отправляйся к экспертам.

- Почему вдруг я? – попытался увернуться Остапчук.

- Потому что твоя идея была, – охотно объяснил Николай Николаевич, – Акимов наверняка бы поскакал среди ночи на Петровку. Так, а ты, Сергей Павлович, отправляйся на место обнаружения и посмотри, не найдется ли еще чего.

- Так, а может, я обожду, пока он вернется, – снова влез Остапчук. Не улыбалось ему трястись в транспорте с такой ношей.

- Нет, ты прямо сейчас поедешь. Нечего ему тут атмосферу отравлять. Давай-давай, меньше слов, больше дела.

Недовольный Остапчук повез Колькину находку, а Сергей отправился на место, где она была обнаружена.

10

Самое поганое во всей этой ситуации – то, что дело произошло аккурат через дорогу от Натальинового логова. Вот-вот сейчас выползет и заведет свою шарманку... Ладно, отставить.

Итак, имеет место погорелый кусок земли, примерно десять на десять метров. Самое близкое обитаемое жилье – сарай-дровницы не считаем – через дорогу хибара чокнутой Введенской. Место, указанное Колькой, более всего походило на давнее пожарище – вокруг деревья, черные с одной стороны и зеленые с другой. Судя по отсутствию кирпичей и вообще следов фундамента, горело не жилье, а что-то из хозяйственных построек. Возможно, именно сарай – как раз по ту сторону дороги стоят свежестроенные. Двадцатый век на дворе, а народ все суевериями страдает – не строится на пепелищах.

Ну а тут все, что могло зарости и развалиться, заросло и развалилось, что было можно – уже растащили на дрова. Кое-какие остовы еще торчали, просто их, как ни старались, не смогли разобрать.

«Вот носит же эту молодежь невесть где. Чего их сюда занесло? Гуляли бы, как порядочные люди, по культурным местам да по паркам», – бурчал про себя Акимов, то и дело посматривая в сторону Натальино дома, чтобы не пропустить момент для побега.

Как раз по его опасениям скрипнула дверь – Сергей зайцем прыснул в кустарник и замер. Но из дома появилась не Наталья, а какой-то посторонний, прилично одетый гражданин, высокий блондин в легком костюме. Он двинулся в сторону станции, держа под мышкой нечто, упакованное в ткань и связанное бечевкой. Видимо, кто-то из покупателей за очередной репродукцией.

Натальина дверь закрылась. Выждав некоторое время – все было спокойно, – Сергей для очистки совести обошел пожарище, раздвинув ветки, полюбовался на костлявую суку, вокруг которой возились штук двенадцать щенят. За кустами слышался шорох и сдавленные звуки грызни, видать, остальная стая шныряла где-то неподалеку. Но, очевидно, имея опыт общения с вооруженным человеком, на глаза не показывалась.

«Тут особо ничего и не увидишь, – соображал Акимов, – трава по пояс. Откуда они что могли выкатить – непонятно. Надо бы поднять документы по пожару, нет ли криминала? Что за адрес-то тут?»

Он повертел головой, но указателей и ориентиров не наблюдалось. Ну и ладно. К пожарным надо будет наведаться, а пока с чистой совестью можно возвращаться в отделение.

Так бы и получилось, если бы не Сергеевна. Неугомонная практикантка вынырнула, вертя головой по сторонам. По всей видимости, она тоже была не прочь узнать, где эта улица, где этот дом.

- Здорово, Катерина, ты за мной?

- Здравия желаю, Сергей Павлович. А вы что шепотом-то?

- Да так, - неопределенно протянул Акимов.

- А вы не знаете, где тут Третья улица Красной Сосны? - спросила Сергеевна, сверяясь с блокнотом. - Иван Саныч вот чего-то нарисовал, я уже который круг нарезаю, а все - или Первая, или Вторая, или Четвертая.

- Ага, - со значением протянул Акимов.

«Ну вот и отлично, не надо ничего уточнять. Если Катька уже побывала на всех остальных улицах и это были не Третьи, то, надо полагать, они как раз на Третьей».

Чтобы не потерять лица при девчонке, он назидательно, тоном заправского краеведа сообщил, что, по всему виду, это и есть бывшая Третья улица Красной Сосны, упраздненная, надо полагать, за ненадобностью, ибо ни дворов, ни жителей на ней не осталось.

Терпеливо выслушав его треп, Сергеевна заметила:

- А вон дом стоит.

- Ради одного дома огород городить?

- То-то я смотрю. Тогда получается, что мы на ней и стоим, на Третьей.

- Так и есть.

– А там что? – Сергеевна с интересом посмотрела на собачью обитель, потом отправилась было поближе, но Акимов ее остановил:

– погоди, там целая стая.

– Я не боюсь, – заверила она, вытаскивая из своего портфеля сверток в промасленной бумаге. В нем оказалось несколько бутербродов с маргарином. Катя бестрепетно залезла в кусты, где возилось собачье семейство. Заросли были густыми, ничего не было видно, были лишь слышны повизгивания, тьяканье и шелест бумаги.

– вроде бы понятно, – констатировала Сергеевна, выходя из кустов и вытирая платком руки. Достав блокнот, она осмотрелась, начертила схему и нанесла какие-то крестики-нолики, – а это вот не Введенской дом?

– Ее.

– Так вот почему вы тут прячетесь. Лично я – всё, а вы, Сергей Павлович, остаетесь?

– Нет, нечего мне тут делать, – решительно заявил он. – А позволь узнать, Сергеевна, чего это ты тут делала? – как бы мимоходом спросил Акимов. – Чертила карту острова сокровищ?

– Что-то наподобие того, – улыбнулась девушка, – просто проверяла одну версию...

– Что за версия?

– Да я пока толком и сказать-то не смогу, – уклончиво ответила она, – а знаете, что я сегодня видела?

«Жучка аль ероплан?» – чуть не брякнул Сергей, уж так сияли и горели воодушевлением ее чистые глазенки.

– Видите ли, сегодня товарищ Остапчук одного деда выловил, любопытный такой дед, скрюченный, здоровенный, один глаз заплыл, бородища – во! А

разговаривает – ну просто Лука, человечный старик.

– Это кто еще? – не сразу уловил Акимов.

– Горький, «На дне», – охотно пояснила Сергеевна. – Ходил там такой шарлатан гуманности, лукавый успокоитель страждущих. Не это важно. У него вообще-то сто первый километр, прописка в Александрове, а он тут ошивается, да еще по несколько дней.

Акимов насторожился. Черепушки непонятные – это не факт, а вот нарушение режима – уже что-то – статья и палочка в отчетности:

– У кого?

– То-то и оно, что у Введенской.

– С чего вдруг? Родичи?

– Он утверждает, что отец.

– А по документам?

– И по документам: Лука Ильич Введенский, одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года рождения...

– А она?

– И она то же говорит – папенька, мол.

– И что? Оно, конечно, нарушение. Но все-таки, если по-людски...

– Ничего, – пожала плечами практикантка, – непонятно, с чего это она папенькой обзавелась, ведь, по официальным данным, из отдела кадров и загса, она – сиротка круглая.

Акимов почесал затылок.

– Ах вот оно что. Катя, но это тоже не того... мало ли, не переоформила бумаги, она же все-таки недоумок. Нередко бывает, что вырастил чужой дед. Народ-то у нас, сама знаешь, душевный.

– Я-то ничего, – снова заявила Сергеевна, – просто удивительно, с чего у него такая любовь даже не к родной дочке, что он рискует сесть на год за нарушение режима.

Некоторое время они шли молча, но было очевидно: что-то Катю грызет и гложет.

– Сергеевна, – внушительно начал Акимов, – не скрипи умом в одиночку, не имей такой привычки.

– Да вот, Сергей Палыч, понимаете ли, чемодан у него...

– Какой чемодан? Прекращай свою дедукцию, говори толком.

– Так я же с самого начала сказала: не знаю, в чем дело, – пояснила Катя, – чего это он с чемоданом туда-сюда катается, а в чемодане – ничего, кроме, извините, кальсон и зубной щетки. Зачем ему под такой багаж такая тара? Любит чемоданы? Почему не сидор, не вещмешок?

– Может, это весь скарб, другого нет, – предположил Сергей, – боится оставлять по месту прописки, вот и носит с собой.

– Может, – кивнула практикантка, хмуря брови. Было видно, что соглашается исключительно из вежливости.

– А еще – борода... Она такая – прямо до глаз. Как будто прячется за ней, как за кустом.

– Сергеевна, хватит, – призвал к порядку Акимов.

Она надулась и замолчала.

«Вот повезет какому-то бедолаге, – благодушно подумал лейтенант, – эдакая малость, а какая въедливая, ведь прямо под кожу влезает. Тут не то что гульнуть – вильнуть налево не получится, факт».

Когда они добрались до отделения, суровый Остапчук уже заканчивал воспитательно-разъяснительную работу и напутствовал обсуждаемого субъекта:

– Имей в виду, Введенский, еще одна такая выходка – и ты так просто не отделаешься, оформим путевку сам знаешь куда.

Задержанный, крупный широкоплечий старик, сидел, ломая картуз, и сокрушенно мотал вороной с сильной проседью головой, лохматой, как воронье гнездо. Того и гляди, разлетятся оттуда с карканьем. Выслушав внушение, он загудел густым басом, как пароход в тумане:

– Что же вы, господин... гражданин хороший, старого человека за то, что дочку и внучку приехал повидать, гостинчиков привез, перекусить кой-чего деревенского, – и так сразу карать.

– Я тебя не за то предупреждаю, что своих навещаешь. Хоть каждый день езд, но ночевать изволь по месту прописки – и точка. И на жалость не бери. Когда на Столешниковом чужие вещи толкал – небось не о дочке-внучке думал.

– Думал! – возмутился старик и вздернул голову.

Какого деда Луку имела в виду Катя – неясно. Сергею он показался похожим на Гришку Распутина: большой, костистый, заросший диким черно-седым волосом по самые глаза, один из которых был полузакрит и косил к большому носу.

– Как раз и думал! Мне-то зачем все эти денежки, я ими и брезгую. А девкам моим надо и покушать, и к чаю что, да и чая самого! А?

Остапчук оборвал:

– Хорош, заладил. Я тебе сказал, повторять не собираюсь: приезжать приезжай, навещай, тут не звери какие, а ночевать выметывайся куда следует. Не зли власть.

Старик снова кивнул:

- Понял, гражданин начальник, что ж не понять. Не буду злить. Власть позлишь, пожалуй! Это все равно что с ломовой кобылой в горелки играть. Прощайте покамест.

Он встал и, кряхтя, поковылял со своим чемоданом прочь.

«Эк какой скрюченный, – отметил Акимов, – вот бедолага-то».

Кровожадный Остапчук проводил старика голодным взглядом:

- Засадить бы его, гада. Ишь, шастают.

- Что ты на инвалида напал? – призвал к человечности Акимов. – Чего попусту сажать-то?

- Попусту, как же! Все миндальничаем, гуманизмом страдаем. А он, черт волосатый, пользуясь нуждой народной, по области рыщет, за керосин-сахар иконы выменивает, мешочник подлый.

- Иконы все равно пропадут, – заметил Сергей.

- Вот-вот. А так связи бы отработать, Иван Александрович, – подала голос Катя.

- Ты еще тут! – возмутился Остапчук. – Опросила соседей по этому, как его?

- Да, – хладнокровно заявила Сергеевна, ничуть не испугавшись, – и по Ивановым с Центральной, и по Корнейчукам с Привокзальной. Можно я пойду, мне в институт, руководителя повидать.

- Вот и вали, недоучка. Свободна! Чего без толку ошиваешься?

- Да, Сергеевна, давай иди, иди, – поторопил Акимов, стремясь закруглить конфликт, – а потом вон в кино, что ли, сгоняй.

Катя, невозмутимо кивнув, испарилась, столкнувшись в дверях с Сорокиным.

– Ишь, заводной веник, – к чему-то заметил капитан, глядя ей вслед то ли с одобрением, то ли с укором.

– Связи ей, – продолжал пыхтеть Остапчук, – а то я не знаю! Этого черта на куски режь – не скажет ничего, только бубнит чего-то, уши вянут. Введенские, мол, своих не сдают, пятое-десятое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sharapov_valeriy/shpana-na-ves-zolota

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)